

Губерния: 23 сентября 2013

Общество

Далёкое – близкое

«Печатайте как есть!»

Право на личное мнение было и в «застойные» времена

Автор: Александр КОШЕЛЕВ, ведущий научный сотрудник Института систем энергетики РАН, внештатный сотрудник «Восточки» с 1965 года

Мой журналистский дебют состоялся в студенческие годы – это была информашка, написанная в 1956 году по комсомольскому поручению в газету «Рабочий край» о поездке активистов студенческого научного общества в Ленинград. 25 рублей гонорара за коротенькую заметочку, заработанные не ночной разгрузкой вагонов и не рытьём траншей на студенческой практике, а пером, были лишь номинальной добавкой к семейному бюджету. Отец, постоянный победитель соцсоревнования, наладчик ткацких станков, получал накрутку 1500 рублей, моя стипендия была 400 – но престиж! Собственно литературные наклонности у меня имелись. Учительница литературы моё сочинение на тему тривиальнее некуда – «Как я провёл лето» – зачитала на уроке как классическое: оказывается, у меня там были и вступление, и основная часть с интригой (во время ночной рыбалки босиком с бреднем рак залез в сандалию и цапнул за палец), и заключение. Моё сочинение на аттестат зрелости вошло в какой-то наробразовский сборник. Отмечалось столетие со дня смерти Гоголя, так что в перечень тем на выбор не могли не включить Николая Васильевича. Я подготовился, надёргал цитат и взял тему «Патриотизм Гоголя», завершив текст славой товарищу Сталину: он указал стране верный путь, о котором мечтал великий русский писатель-патриот, основоположник критического реализма.

№ 1 из 2

48 лет назад Александр Кошелев написал в «Восточку» свою первую заметку

Но при такой явной литературной «талантливости» и любви к предметам гуманитарным я всё-таки пошёл в инженеры. Во-первых, по «менталитету» я был физик, а не лирик (прошёл конструкторскую цепочку рогатка – лук – арбалет – пороховой пистолет, с пятого класса занимался фотографией, в десятом увлёкся радиотехникой); во-вторых, настоящие мужчины должны идти в инженеры – и точка! В нашем школьном выпуске было 11 медалистов – девять поступили в энергетический институт, двое – в военно-инженерные училища.

Следующий газетный опус состоялся почти через 10 лет, и снова комсомольское поручение – по заказу «Советской молодёжи». Редакция газеты размещалась на улице Киевской, как раз под лабораторией теплоснабжения Сибирского энергетического института, квартировавшего в центре города, пока строились первые здания Иркутского научного центра на пустыре за Кузьмихой. Это соседство для «Молодёжки» было не сильно удобным: при наших экспериментах могла капать вода на верстаемые полосы, мог погаснуть свет, а скрип и грохот – это постоянно. Ну, я и написал в рубрику «Молодая наука Сибири», чтобы бедолаги узнали, за какое великое дело страдают.

Дебют в «Восточно-Сибирской правде» состоялся 19 сентября 1965 года. Это был очерковый материал «За здоровье курорта» под рубрикой «Дорожить богатством Байкала», написанный уже по собственной инициативе, можно сказать – по велению души: о потенциальных возможностях и целесообразности развития санатория на горячем минеральном источнике в бухте Хакусы на севере Байкала, где мы отмокали после четырёхнедельного спортивно-краеведческого похода по Баргузинскому хребту. После этого было два прошедших через Бориса Новгородова непритязательных краеведческих материала.

Не в ногу

После успешной и безнаказанной пробы пера 27 января 1966 года под рубрикой

серьёзное и ответственнее некуда – «Решение сентябрьского пленума ЦК КПСС – в жизнь» – в «Восточно-Сибирской правде», органе обкома партии, был напечатан полемический материал «Хозрасчёт – в институт» размером в половину полосы. Вот история его появления, которая делает честь не столько его авторам, двум младшим научным сотрудникам юного академического института Игорю Шеру и мне, сколько заведующей отделом образования, культуры и науки Идее Алексеевне Дубовцевой.

Задачи академической науки – фундаментальные исследования принципиально нового. В нашем Сибирском энергетическом институте это физико-технические проблемы, методы управления, планирования и проектирования, оптимальной эксплуатации для объектов и систем топливно-энергетического комплекса – от агрегатов электростанций до Единой электроэнергетической системы страны. Стимулы этих исследований по большому счёту – сознание выполненного долга, «удовлетворение собственного любопытства за государственный счёт» (это определение науки от академика Арцимовича), премии на соответствующих конкурсах, повышение (или сохранение) в должности. Но на базе общих теоретических исследований в СЭИ с самого начала велись и так называемые прикладные работы для непосредственного использования проектными, строительными и эксплуатационными организациями, зачастую совместно с нами. Результаты этих работ, кроме непосредственного производственного эффекта, давали информацию для развития исследований фундаментальных, теоретических – возможность не только проверки полученных результатов и их корректировки, но и выбора дальнейших направлений. Практика без теории слепа, теория без практики – мертва.

Так вот, прикладными работами занимается прежде всего научная молодёжь. Это правильно, но такая работа и сложная, и поначалу неблагодарная, рутинная, зачастую грязная. Недаром она называлась тогда внедрением, а это априори предполагает как минимум инерционное сопротивление потенциальных пользователей (им и так хорошо, зачем дёргаться, рисковать...). Если внедренческие работы выполнялись по хоздоговорам с производством, то исполнители могли получать премии из фонда централизованного премирования Сибирского отделения АН, но верхние планки этих договоров и премий были низки. Молодой энтузиазм – это хорошо, но лично я, придя в науку с производства, стал получать зарплату вдвое меньше. Директор нашего института академик Лев Мелентьев не имел возможности здесь что-то сделать, к тому же он считал, что академическая наука должна заниматься прежде всего фундаментальными проблемами – и вёл соответствующую «разъяснительную работу». В общем, наша статья была в то время еретической.

Идея Алексеевна Дубовцева, прочтя текст, сразу поняла три вещи.

Во-первых, авторы «идут не в ногу» с руководством. Во-вторых, в материале всё весьма аргументированно, логично – то есть вроде бы верно, хотя и спорно. В-третьих, авторы больно много на себя берут: младшие научные сотрудники замахиваются на весьма серьёзное. И редактор отдела науки послала статью тогдашнему учёному секретарю института. Тот ответил, что, во-первых, текст статьи «не согласован» с дирекцией, во-вторых, дирекция мнение авторов «не разделяет». Идея Алексеевна позвала меня, поставила в известность о ситуации. Диалог был коротким: «Ну, и что делать будем? Отзовёте статью, подправите её или печатать как есть?» – «Печатайте как есть!» И напечатали! Дубовцева шла на риск: формально всё было вроде бы нормально, и авторы ратовали за повышение, ускорение и т.п., но наш директор мог пожаловаться в обком партии, членом которого он был. Академик Мелентьев не очень-то благоволил журналистам, поскольку они его много раз подводили (он так считал), и однажды издал «неконституционный» приказ, запрещающий сотрудникам без согласования с дирекцией

публиковать в СМИ материалы, касающиеся институтской науки. Но в данном случае всё прошло спокойно: перед публикацией «Восточка» ознакомила с материалом руководство института, конкретные замечания получены не были, а граждане СССР имеют право высказывать личное мнение.

Возвращение писателя-классика

№ 2 из 2

Заведущая отделом образования, культуры и науки редакции Идея Дубовцева никогда не боялась острых тем

В номере «Восточно-Сибирской правды» от 2 октября 1996 года было опубликовано интервью Валентина Распутина с раздумьями о веяниях в нашем обществе. Другьям моим, ветеранам Иркутского научного центра, и лично мне было не совсем понятно, по какому поводу классик, громя 1989-й и 1991-й, «перечеркнувшие наше добродетельное отношение к душе», зачинщиками называет «привилегированную часть общества – научные городки... Они при коммунизме жили неплохо и первыми начали переворачивать те, прежние, порядки. То же можно сказать про Академгородки у нас, в Новосибирске и Иркутске». Р-раз – и причесал науку, все Академгородки, и как раз в то время, когда они могли вот-вот отдать богу душу в финансовой петле. Интервью прошло через корреспондента Константина Житова. Не в силах вытерпеть такое, как мне казалось, голословное обвинение, я выразил протест в короткой, но энергичной реплике в адрес советника первого и последнего президента СССР, Героя Социалистического Труда, и передал текст Житову. Когда я позвонил ему через несколько дней, Константин Яковлевич дал мне гневную отповедь в таких выражениях и тонах... Вот краткое содержание той отповеди: «Распутин – великий писатель-классик, а ты кто такой?!»

Когда телефонная трубка остыла, я, осмыслив ситуацию и пребывая в тихом, но

глубочайшем гневе на сотрудника газеты, решил сделать ход конём: написать обстоятельную, «размышлительную» статью литературоведческого окраса. Валентин Григорьевич в своём интервью сожалеет о своих «потерянных годах», когда он отошёл от художественной литературы, уйдя в публицистику. Я закончил свою статью так: «Думается, читатели и земляки будут только приветствовать явно начавшееся возвращение Валентина Распутина с его общественно-государственно-публицистических гастролей в лоно литературы, в мир художественных образов, в мир повестей и рассказов, которые, я уверен, дают позитивный эффект много сильнее, чем статьи, речи и интервью». Статья моя имела красиво поданное, весьма мудрое название: «Только ли эмоции? Про отличие урожаев с литературного и научного полей». Цитировался тогдашний председатель президиума Иркутского научного центра академик Николай Логачёв: «Там, где должны присутствовать факты и неопровержимые аргументы, часто остаются одни эмоции».

Свою «мудрую» статью я принёс Ливии Петровне Каминской, которая была тогда заведующей редакцией. Прежде мне с ней работать не доводилось, мы лишь однажды сидели за одним столом, ведя годовое собрание коллектива «Восточки»: Ливия Петровна как секретарь, а я как аж председатель. Столь высокую честь оказал внештатнику, но члену Союза журналистов тогдашний главный редактор газеты Геннадий Михайлович Бутаков – на удивление мне при одобрительно-озадаченной реакции публики.

Каминская приняла мою статью. И, несмотря на размер в полполосы, она вышла неожиданно быстро и без малейшего приглаживания.

20 января 1998 года на первой полосе «Восточки» был опубликован забойный материал кандидата неуказанных наук Александра Токарева. Об ужасах энергетики сообщается регулярно, но утверждение, что виновником гибели «Руслана», самолёта Ан-124, является Иркутская ГЭС – взрыв такой «бомбы» достал и геологов из Института земной коры, занимающихся землетрясениями, и энергетиков, которые наутро после выхода статьи даже провели летучий семинар. Если коротко, то суть статьи вот в чём. Водохранилище Иркутской ГЭС, «один из самых мощных факторов, нарушающих устойчивость сложившейся природно-технической системы «Южное Приангарье – Иркутск», создало «купола подтопления... в разных концах города». И в грунтах, пронизанных сетью металлических труб, кабелей и других коммуникаций, заполненных агрессивными растворами-электролитами, накапливается электрический заряд. «При взлёте Ан-124 произошёл сбой в работе бортовых компьютеров», поскольку самолёт – это «быстро движущийся проводник огромной массы и энергетического потенциала... в электромагнитном поле гигантской аккумулирующей батареи». В моей ответной статье-фельетоне «Сено для мамонтов: пресса трясёт иркутян сильнее землетрясений», напечатанной 10 февраля 1998 года, со ссылками на учёных-электроэнергетиков приводятся аргументы абсурдности этой версии. Я напоминаю – в защиту Иркутской ГЭС, – что «Руслан» взлетел и упал на территории не просто весьма удалённой от водохранилища, но ещё и экранированной долиной Иркуты от подтопления. Далее цитата: «Теперь претензии к редакции моей любимой «Восточки». Идёт речь о серьёзнейших вещах! Инкриминировать Иркутской ГЭС гибель «Руслана», походя беря эту рану, вряд ли корректно. Наверное, и плюрализм имеет границы... Иркутская ГЭС, кроме света и тепла в квартирах... дала иркутянам два «пустышка». Первый – предотвращение зимних наводнений от перемерзания Ангары над городом с выходом воды на лёд и затопления всего центра. Второй – возможность отдыхать на заливах искусственного моря и купаться в его относительно тёплой воде».

Вот два примера публикации «Восточкой» моих резких претензий к ней – насчёт

безосновательных наездов Распутина на Академгородок за развал русской духовности и Токарева – на Иркутскую ГЭС за крушение «Руслана». Согласитесь, такую самокритику может позволить себе не каждая газета.